

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 56–71.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2023. Vol. 25, no. 2. P. 56–71.

Научная статья

УДК 314.7(571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/56-71>

ГОСУДАРСТВО КАК ПОВСЕДНЕВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: «НЕЛЕГАЛЬНОСТЬ» МИГРАЦИЙ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Татьяна Николаевна Журавская¹, Наталья Петровна Рыжова²

^{1, 2} Институт экономических исследований ДВО РАН, Приморская лаборатория
экономического развития и сотрудничества, Хабаровск, Россия

¹ wellshy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169>

² n.p.ryzhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364>

Аннотация. Статья посвящена исследованию миграционного поведения и миграционной политики в России на микроуровне. Авторы следуют антропологической традиции концептуальной демистификации государства как единого актора, имеющего монопольные права на социальную политику. Утверждается, что наряду с государственными служащими миграционная политика реализуется представителями «диаспор», работниками компаний, нанимающих иностранных рабочих, разными посредниками между «законом» и «обычным человеком». Авторы утверждают, несмотря на противоречивость и непоследовательность современной российской миграционной политики, дискриминационные практики «успешно» реализуются и «усваиваются» как теми, кто ее реализует, так и теми, кто управляет. Более того, не только представители власти производят дисциплинарное воздействие, производя «хорошего» мигранта. В этом напрямую принимает участие и бизнес, хотя основания дисциплинарных практик находятся в иной, рыночной плоскости. Посредники и представители диаспор также встраиваются в механизм, формирующий образ «хорошей» нации. И, наконец, сами мигранты не просто принимают правила игры, но и усваивают идею как о «хорошем» работнике, так и «хорошем» представителе «нации». Авторы используют фукондианский дискурс-анализ для исследования языковых практик, эмпирическую базу составляют экспертные и биографические интервью (2014–2016 гг., Амурская область и Красноярский край). Основной текст статьи состоит из описания методов и данных, концептуальной рамки исследования и трех разделов с последовательным представлением результатов.

Ключевые слова: миграционное поведение, повседневная миграционная политика, производство «нелегальности», Амурская область, Красноярский край.

Для цитирования: Журавская Т. Н., Рыжова Н. П. Государство как повседневное взаимодействие: «нелегальность» миграций и миграционная политика России // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 2. С. 56–71. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/56-71>.

Original article

THE STATE AS EVERYDAY INTERACTIONS: THE "ILLEGALITY" OF MIGRATION AND MIGRATION POLICY IN RUSSIA

Tatiana Nikolaevna Zhuravskaia¹, Natalia Petrovna Ryzhova²

^{1,2} Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ wellshy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169>

² n.p.ryzhova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364>

Abstract. This article examines migration behavior and migration policy in Russia at the micro-level of social interactions. The authors follow the anthropological tradition of the conceptual demystification of the state as a coherent actor with monopoly rights to violence and social policy. The authors state that in addition to government officials, migration policies are made by "diasporas", by employees hiring foreign workers, and by intermediaries between the "law" and the "common man". The article shows that despite the contradictory and non-coherent nature of contemporary Russian migration policy, discriminatory practices are "successfully" pursued and internalized by both those who implement it and those who are governed. Moreover, it is not only government officials who discipline the "good" migrant. Business is also directly involved, although the basis for disciplinary practices is on a different, market-based level. Intermediaries and representatives of "diasporas" are also embedded in the violence machine, shaping the image of the "good" nation. Finally, migrants themselves do not simply accept the rules of the game but internalize the idea of both the "good" worker and the "good" member of the "nation," implementing discriminatory practices in their everyday interactions. The authors use Foucauldian discourse analysis to investigate linguistic practices; the empirical base consists of expert and biographical interviews (2014-2016, Amur and Krasnoyarsk regions). The main text of the article consists of a description of the methods and data, the conceptual framework of the research and three sections with a sequential presentation of the results.

Keywords: migration behavior, everyday migration policy, production of "illegality", Amur region, Krasnoyarsk region.

For citation: Zhuravskaia T. N., Ryzhova N. P. The state as everyday interactions: the "illegality" of migration and migration policy in Russia // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2023. V. 25, no. 2. P. 56–71. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2023-2/56-71>.

Несмотря на то, что миграция населения по определению относится к глобальной научной повестке, нельзя сказать, что сейчас в этой области происходят или ожидаются значительные фундаментальные открытия, рождаются принципиально новые теории. Скорее, можно наблюдать попытки междисциплинарного диалога [1], а также совершенствования подходов к решению ранее поставленных задач¹ [2]. При этом российские исследователи, сделавшие быстрый и качественный скачок по сравнению с началом 1990-х гг., все еще в малой степени обращаются к оптике изучения индивидуальных стратегий, предпочитая рассматривать политические или экономические конструкции, которые влияют на мигранта и его решение уехать [3].

Наше исследование стремится заполнить этот пробел, мы предлагаем рассмотреть как миграционное поведение, так и миграционную политику на микроуровне. Такой подход не является абсолютно новаторским [например: 4; 5; 6], он все чаще применяется для анализа разных социальных политик [например: 7; 8; 9], и в том числе миграционной. Его реализация предполагает концептуальную демистификацию государства: оно больше не рассматривается как единое целое, имеющее монопольные права на управление. Более того, ему «отказывают» и в монополии на реализацию социальной политики. В рамках этого подхода утверждается, что наряду с государственными служащими миграционная политика реализуется представителями «диаспор», работниками компаний, нанимающих иностранных рабочих, а также разными посредниками между «законом» и «обычным человеком».

В своей работе мы фокусируемся на производстве «нелегальных мигрантов», эмпирическая база исследования - экспертные и биографические лейтмотивные интервью, собранные в 2014–2016 гг. в Амурской области и Красноярском крае. Мы анализировали, прежде всего, личные суждения и представления тех, кто вовлечен в реализацию миграционной политики, тех, кто по долгу своей службы или в рамках своей работы управляет передвижением, работой, а иногда и личной жизнью приезжающих в Россию людей. Однако мы сознательно не выделили чиновников в отдельную категорию, поскольку представители государства – прямые проводники его политики; в нашем исследовании они составляют фон, контекст для анализа.

¹ Düvell F. Euroäische und internationale Migration. Geschichte, Theorie und Empirie. Münster: Lit. Цит. по: [2, с. 71–95].

Для демонстрации нашей идеи мы обратились к тому, как сами те, на кого направлено воздействие, рассуждают о себе, своей роли и своей «миграционной» повседневности. Представляется, что такой подход позволит по-новому взглянуть на неоднократно поднимавшуюся в литературе проблему «особенностей российского законодательства, подталкивающего мигрантов к работе вне легального поля» [10]. Мы утверждаем, что несмотря на противоречивость и непоследовательность российской миграционной политики, дискриминационные практики «успешно» реализуются и «усваиваются» как теми, кто ее реализует, так и теми, кто управляет.

Методы и данные

Амурская область и Красноярский край были выбраны нами в качестве объектов наблюдения как модельные регионы Сибири и Дальнего Востока. Мало кто станет спорить с тем, что даже проведение традиционной переписи постоянного населения в северных удаленных поселках Сибири, где низка транспортная доступность, задача не тривиальная и дорогостоящая. Как минимум эта сложность заставляет многих экспертов предполагать, что «нелегалам» проще спрятаться именно в этой «пустоте»¹. Амурская же область на социальной и экономической карте России заметна, прежде всего, своим приграничным положением: здесь проходит около 30% всей российско-китайской границы. О так называемых «проблемах» китайской миграции в Россию не слышал, наверное, только полностью исключенный из российского социума человек. Да и западному читателю рассуждения о массовом переселении китайцев в Сибирь и на Дальний Восток не кажутся бессмысленным мифом. Не случайно сразу после открытия российских границ в СМИ распространились «пугающие истории», основанные на околонуточных оценках, о том, что в необъятных сибирских лесах скрывается небывалое количество «нелегалов», особенно из Китая. Таким образом, свой выбор мы основывали на представлениях о российских просторах как о «пустоте», что, как мы считаем, провоцирует экспертов и политиков, государственных служащих и многих социальных исследователей производить знание, влияющее на модели реализуемой миграционной политики.

В общей сложности для проведения анализа в нашем распоряжении было 63 экспертных интервью и 59 миграционных историй (8 таких историй от глав «диаспор», которые также учтены в качестве экспертных). Среди наших информантов помимо тех, кого мы отнесли к категории «мигрант» оказались: представители Федеральной миграционной службы и региональных органов власти; сотрудники рекрутинговых компаний, помогающих предприятиям найти и оформить работников; сотрудники компаний, помогающих иностранным рабочим в легализации их

¹ См., например: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0161/lisa01.php>.

статуса; сотрудники компаний, нанимающих иностранных рабочих, и компаний, предоставляющих им площадки для ведения бизнеса (базаров, торговых центров); сотрудники языковых центров – как внутри университетов, так и вне их; наконец, представители религиозных учреждений и национально-культурных обществ («диаспор»).

Метод анализа интервью – фукондианский дискурс-анализ [11]. Это предполагает внимание к внешним (исключение, разделение и отбрасывание) и внутренним (комментарии, авторство, дисциплина) процедурам производства дискурса и дискурсивных сообществ (говорящих субъектов). В своей работе мы обращаемся к трем из них: представителям власти и бизнеса, напрямую производящих правила жизни для мигрантов, представителям формальных и неформальных объединений, выступающих «посредниками» между первыми и самими мигрантами, и, наконец, к трудовым мигрантам. Мы обращали особое внимание на то, как наши информанты «говорят от имени государства», как трактуют нормы права, как применяют иерархизирующие категории, например этничность и социальное положение, как объясняют (отсутствие) права на доступ к каким-то ресурсам. Результаты нашего анализа представлены в трех эмпирических разделах.

Антропологический подход к исследованиям миграционного поведения и политики

Антропологи, в отличие от многих других социальных ученых, прежде всего политологов и экономистов, рассматривают государство «за пределами государственных институтов» [12], в том числе как проводника любой, особенно социальной политики. Этот подход основан на критике государства как самодостаточного института или автономного актора, имеющего высочайшее право регулировать, управлять, применять насилие в отношении проживающего на определенной территории населения. Эта критика началась с работ Т. Митчела [13], Дж. Роуз [14] и П. Абрамса [15], которые призвали отказаться от дисциплинарных практик социальных наук. Особый интерес антропологов к деконструкции государства начался с работ А. Гупты, который утверждает, что изучение повседневных практик взаимодействия людей и мелких чиновников и, в еще большей степени, представлений людей о государстве позволяет антропологам внести значительный вклад в объяснение природы государственной власти [16].

В этой оптике политика представляется как повседневные действия множества акторов, отнюдь не только бюрократов. Исследования антропологов показали, что повседневная политика и повседневное сопротивление особенно важны как для понимания, так и для изменения политических процессов и результатов политических преобразований. В этой связи важны все формы повседневной политики [17]. Современные исследования дают основания утверждать, что повседневная политика

влияет на политические процессы как в лучшую, так и в худшую сторону. Так, Н. Элиасоф описывает, как американцы активно выбирают апатию за пределами близкой к себе сферы, избегая политических дискуссий [18]. А исследование аргентинского офиса Дж. Ауеро показало, как люди могут даже не осознавать, что их существование глубоко политизировано [19].

Миграционное поведение также интересует представителей разных дисциплин. В соответствии с гносеологическими принципами каждой из этих наук поведение и факторы, на него влияющие, выглядят более простыми в экономических моделях и более сложными в антропологических исследованиях. Вместе с тем путь, который проделали представители этих наук, в значительной степени сблизил не только их повестки, но и применяемые методы. В современном толковании миграционное поведение – это не только «совокупность действий и поступков, выраженных в процессах, непосредственно связанных с миграцией» [20, с. 8], но и мотивы, настроения, представления, которые могут никогда не привести к собственно мобильности [2]. Говоря о миграционном поведении, исследователи ведут речь также и об отношениях мигрантов с государством, которое устанавливает барьеры на пути свободного перемещения. На пике популярности находится требование отказа от дискриминирующих терминов по этическим основаниям. В связи с этим, хотя в русскоязычной литературе термин «нелегальный мигрант» все еще активно применяется [21; 22 и многие другие работы], в англоязычном даже формально-правовом пространстве преобладают термины «people with illegal status», «people with undocumented status» и т. п. Причина терминологической ревизии в том, что нелегальными могут быть действия, но не люди [23]. Делегализуя именно человека, представители государства и эксперты через политики исключения участвуют в формировании того, что Дж. Агамбен [24] назвал «bare life», то есть «голая жизнь», жизнь без прав. Применительно к изучаемому случаю под политическими отношениями подразумеваются отношения между человеком и государством, в рамках которых мигрант, называемый «нелегальным», исключается из действующих правил, моральных принципов и норм, предписывающих определенные стандарты человеческого поведения и социальных взаимодействий.

Следуя за антропологами, таким образом, мы заявляем, что граница между государством и обществом – всего лишь условность, которая на практике не может быть идентифицирована, она не видна [16]. Иными словами, мы предлагаем посмотреть на миграционную политику как повседневные взаимодействия, как практики общения человека в категории «мигранта» или «работодателя» с человеком в категории «бюрократ», «чиновник» и пр. Такой исследовательский подход фундаментально стоит на идеях Фуко об отношениях власти, которые непрерывны и распределены во взаимоотношениях не только между государством и гражданами [25]. В этой оптике государство как воображаемый конструкт представляется как последовательные действия многих акторов, то есть не представляет собой некий со-

гласованный механизм по угнетению или легитимации власти. Ниже мы сосредоточимся на систематическом изложении результатов нашего исследования языковых практик и повседневных взаимодействий, способных пролить свет на особенности жизни трудовых мигрантов в России.

«Хороший» мигрант – «хороший» работник

Первый в нашем списке – дискурс работодателей, поскольку тех, кто берет мигрантов на работу, СМИ и эксперты, как правило, обвиняют в оппортунизме как в случае обеспечения легального трудоустройства, так и при найме без оформления документов. В первом варианте бизнес как бы способствует тому, что россияне остаются без работы, ведь мигранты согласны работать за меньшие деньги. Во втором – стремятся сэкономить на соблюдении правил, не предоставляя мигрантам обещанные законом гарантии и тем самым подталкивая их к нарушению правил. То есть в любом случае стремление к получению прибыли при найме мигрантов означает это стремление любой ценой, без оглядки на какую-то социальную ответственность. Неудивительно, что наши информанты, так или иначе, обращались к оправдательной риторике. Эта необходимость оправдаться – стремление к установлению истины как одна из внешних процедур по Фуко, – ожидаемо обращается к рационализации, ища обоснование в законах рынка и распределения: «мы не благотворительная организация», «почему цены рыночные, а зарплата должна быть фиксированная», «не делали бы препоны, можно было бы разговаривать о цене» и пр. В результате либеральная идея о свободе рынка парадоксальным образом ведет к дискурсивно схожему с патерналистской идеей о заботе государства смыслу: центральная тема в обсуждении практик найма мигрантов – необходимость дисциплинирующего воздействия.

Обратимся к тому, как работодатели типизируют и категоризируют мигрантов, какие основания для классификации используют. На первом уровне это страна происхождения работника, и только потом возраст, пол и квалификация. Условные «таджики» и «узбеки» отличаются от условных «китайцев» и «корейцев», и все «иностранцы» – от условных «русских». Отличие «иностранцев» от русских очевидно: скромность в быту, работоспособность и дисциплина, более низкие притязания на оплату труда. Сравнение почти всегда не в пользу «русских», они почти всегда более неудобные работники: пьют, срывают сроки либо ожидают слишком высокой оплаты.

Объяснений различий в отношении к работе у работодателей всего два: «менталитет» и обстановка в родной стране. Рассуждения о «менталитете» оставим в стороне, поскольку это, как правило, повтор расхожих высказываний и, скорее, удобная формула, не требующая объяснений (например, одни и те же черты объясняли разное поведение). Остановимся на втором варианте. Все работодатели, рассуждая о мотивах приезда, обращались к известной риторике об «отсталых» постсоветских республиках, а потому предоставление работы – это почти благотвори-

тельность, для кого-то уже как сам факт, для других – как навязанная забота, чрезмерная опека со стороны государства. Сложная ситуация на родине, описание которой часто сконструировано из стереотипных высказываний, необходимость содержать большие семьи как основной мотив для повышенных заработков служат для обоснования того, почему повышенная нагрузка и напряженный график вполне оправданы для мигрантов, справедливы: «они приехали работать».

Безусловно, это дискурс ресурсов, люди в этой картине мира тем лучше, чем меньше у них потребностей – в сне и отдыхе, в еде, в общении с семьями. Хороший работник не создает проблем, как и хороший трудовой мигрант. В этой риторике цели государства и бизнеса совпадают, работодатели тем самым оказываются прямыми агентами, проводниками ожиданий политиков, хотя основания и кажутся разными. Важно, что и для тех, и для других, мигранты – это объект особого контроля, не способные сами о себе заботиться.

Однако желание соответствовать образу хорошего работодателя, который «правильно» заботиться о «своих мигрантах» натывается, как минимум, на два противоречия. Первое связано с необходимостью оправдания в предпочтениях мигрантов местным работникам. В описание «хороших» мигрантов и «плохих» местных не вписывается неодобрение их желания остаться, если таковое приписывается мигрантам. Как рационально объяснить, что работодатель вовсе не желает, чтобы приехавшие работать остались здесь навсегда, что сократило бы их расходы на содержание и соответствие правилам? Второе противоречие возникает в момент необходимости объяснения источника «нелегальности», в качестве которого, как правило, признаются непоследовательные действия государства и нестыковки в регламентах и законах. Для объяснения того, откуда берутся «нелегальные мигранты», при этом, требуется снова провести категоризацию, признать, что таковыми становятся какие-то «другие мигранты», другой категории, либо те, которым не удалось попасть на работу к «честному» предпринимателю.

Таким образом, участие в производстве «нелегальности» трудовой миграции со стороны работодателей выносится за скобки через проведение границы между «своими» мигрантами и «теми», которые не способны соблюдать требования государства. При этом подчеркивается как необходимость в привлечении иностранцев, так и оправданность более жестких условий труда и дисциплины. В такой ситуации нет оснований для солидарности между работодателями и трудовыми мигрантами, где решение проблем последних – ответственность первых.

Имидж нации

Можно поспорить, что хотя представители бизнеса также являются субъектами контроля со стороны государства, все же, могут быть отнесены к «элитам», в пользу которых или которыми и создаются правила игры. А потому вовсе не удивитель-

но, что идеологически разный дискурс встраивает мигрантов в схожие рамки. В ответ на это мы обращаемся к риторике иного дискурсивного сообщества – «диаспорам». К ним мы относим не только формально зарегистрированные объединения, но и неформальные сообщества и «этнических» посредников, вернее, тех, кто генерирует эти объединения и становится узлом переплетения социальных связей, тех, на кого нам указали в малых городах как на «главных» среди своих. Как правило, отнести объединения к какому-то одному профилю было невозможно, поскольку они работали и как национальные, культурные и религиозные НКО, и как посредники, и как те, кто помогает с адаптацией.

Первым вопросом к главам официальных объединений, с которыми мы разговаривали, касался создания организации и ее целей. Ответ всегда был ожидаем: информанты озвучивали те цели, что прописаны в уставе как готовая, уже привычная и заученная формула – «сохранить язык и культуру». А далее возникали мотивы «помощи» и «адаптации», которые, однако, включали в себя довольно широкий спектр практик, причем не обязательно бесплатных. В Красноярске мы встречали НКО, которые оказывали платные услуги мигрантам, а потому некоторые информанты непременно упоминали, что вот именно их организация занимается только бесплатной помощью, поддержанием и развитием культурных связей. Это попытка отстроиться неслучайна, она связана с идеей о поддержании «имиджа нации».

Члены диаспор – постоянные участники различных мероприятий. В основном это песни и танцы с этническим колоритом, национальные праздники, фестивали и ярмарки национальной кухни, спортивные мероприятия – стандартный набор, как и у казачьих обществ, и общин коренных малочисленных народов. Это своеобразный экспорт экзотики, направленный, прежде всего, на внешнего потребителя – местное население и местные власти. Чтобы «показывать себя с лучшей стороны», НКО занимаются благотворительностью: спонсируют детские дома, собирают гуманитарную помощь «подтопленным» и «погорельцам», помогают школам и детским садам, музеям и пр. Одна из диаспор несколько лет накрывает столы для ветеранов ВОВ в кафе с национальной кухней, подчеркивая общность истории народов бывшего СССР. В Красноярске одно НКО перешло в статус автономии, поменяв заодно и название с «Вместе» на «Родина», чтобы не было ассоциаций с оппозиционными организациями в стране выхода и за ее пределами. В уставах НКО в списке целей и задач также обязательно присутствуют фразы типа «содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами», а при регистрации новых членов одного из объединений кандидаты в числе прочего подписываются под заявлением «обязываюсь строго соблюдать все законы Российской Федерации, буду уважать культуру и народ Российской Федерации».

Все это работает на создание благоприятного образа и хорошей репутации не только самой организации, но и всех мигрантов в целом, и даже страны выхода.

Вторая сторона деятельности объединений «для своих» включает в себя помощь с обустройством, поиском и предоставлением жилья, оформлением документов, обеспечением доступности религиозных практик, помощь вдовам и сиротам, сбор средств на лечение, на отправку тел умерших на родину и пр. Часть этой «помощи» представляет собой платные услуги, часть также работает на поддержку имиджа. Всё это, таким образом, должно не просто уменьшать количество проблемных ситуаций, но и вписываться в логику одобряемого поведения.

В целом, мы не встретили в разговорах и намека на необходимость какого-то сопротивления действующим в стране правилам, хотя некоторое возмущение по поводу, например, малых сроков на оформление документов информанты высказывали. Однако такого рода «сложности» не вменялись государству вообще, скорее, апеллировали к личностям конкретных чиновников или к понятным сложностям властей с выстраиванием работающих механизмов в регионах. Не шла речь и о том, чтобы «диаспоры» могли вступить в переговоры с властью по поводу правил и их справедливости, наоборот, их усилия направлены на то, чтобы соблюдать нормы максимально точно. И все время доказывать свою лояльность и позитивный образ.

«В чужой монастырь»

Логика нашего анализа требует дальнейшего движения к дискурсу тех, кто является субъектом управления. Согласно Фуко, управленческая рациональность (governmentality) проникает как в телесные дисциплинарные практики, так и в сам способ мыслить и объяснять. Присвоена ли рациональность российской миграционной политики мигрантами? Для целей этого текста мы искусственно (как, впрочем, и в предыдущих двух случаях) выделили третье дискурсивное сообщество – «мигрантов». Эта категория крайне неустойчива и требует постоянного пересмотра границ категоризации во времени и пространстве. Однако такое отделение позволяет понять, как определение себя как «мигранта» ведет к присвоению дискурса.

Сложность и неустойчивость правил, неформальные барьеры со стороны силовых структур уже не раз обсуждались исследователями миграции в России. Нашим фокусом стало желание получения гражданства как стабильного правового статуса и момент перехода из категории «мигранта» к категории «гражданина».

В ходе полевой работы мы пытались выяснить, является ли получение гражданства гарантией долгосрочного пребывания, намерений выбора России как постоянного места жительства, а также какие трудности возникают при получении данного статуса. Намерение остаться в стране далеко не всегда было названо главной причиной получения гражданства (или вида на жительство). Важнее оказалось желание получить, не потерять работу или начать свой бизнес, поскольку работодатели предпочитают нанимать граждан (получая «хорошего» работника без необходимости навязанной заботы). Гражданство и другой стабильный правовой статус

существенно сокращают транспортные расходы (необходимость пересекать границу) и расходы на оформление документов, расширяют возможности для совместного проживания с семьями. При этом это вовсе не обязательно означает желание остаться в России на постоянное место жительства, а означает лишь желание жить вместе с членами семьи, пока здесь есть работа и возможность заработка.

Сложности в подготовке документов, отсутствие четких и понятных инструкций по заполнению необходимых форм и требований по оформлению копий и подлинников, длинные очереди при подаче документов, ошибки в оригиналах документов, отсутствие «правильных» оснований, плохое знание русского языка и дополнительные расходы – все это было озвучено информантами как условия, ограничивающие поток желающих получить гражданство.

Неформальные барьеры на пути к получению стабильного правового статуса также не раз были озвучены нашими информантами. В таком обсуждении под сомнением снова не закон, а компетенции чиновников и их личные качества. Особенности миграционного законодательства, как, впрочем, и любого другого, всегда оставляют возможности для свободы маневра чиновников, поэтому часто для получения гражданства мигранты собирают неформальные сведения о том, насколько благосклонны в этом смысле местные государственные подразделения. Так, для многих Амурская область стала лишь транзитным регионом на пути к получению желаемого статуса – шансы на получение РВП или участие в программе по переселению соотечественников оценивались информантами гораздо выше. Хотя это касается далеко не всех – важное значение, по мнению участников исследования, также имеет страна выхода и политические установки принимающих решение лиц. Так, для граждан Китая возможности получения любого стабильного правового статуса очень ограничены (для Амурской области, например, число граждан КНР, имеющих ВНЖ и РВП, долгое время остается неизменным).

Итак, идея о соответствии правилам страны, куда прибывают мигранты вполне вписывается в дискурс о «чужом доме» и «чужом монастыре». Характерным было нежелание разбираться в том, как устроены правила, даже убежденность, что это не только невозможно, но и вовсе бесполезно. Идея о сложности и невозможности победить систему, пройти формальным путем без какой-либо помощи распространяется и на другие значимые практики. Например, на необходимость сдавать комплексный экзамен. Довольно быстро идея языковой адаптации мигрантов превратилась в формальную процедуру по сдаче комплексного теста, где помимо демонстрации владения базовым уровнем русского языка необходимо показать «готовность к уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям народов» [26]. А это означает, что проводниками миграционной политики становятся и языковые центры, и центры помощи мигрантам, и российские вузы.

Представители общественных наук все больше соглашаются с тем, что миграционная политика не позволяет достигать поставленных целей. Неважно, касается ли политика привлечения временных рабочих («гастарбайтеров») или уменьшения количества людей с неурегулированным миграционным статусом. Наш анализ практик трех дискурсивных сообществ показывает, что несмотря на противоречивость мер миграционной политика, ее основания, дискурсивные идеи «усваиваются» и «присваиваются» и работодателями, и представителями объединений, и самими трудовыми мигрантами. Совместно они производят «хорошего» мигранта. Трудовые мигранты, тем самым, не просто принимают правила игры, но и усваивают идею как о «хорошем» работнике, так и «хорошем» представителе «нации», реализуя в повседневных взаимодействиях дискриминирующие их самих практики.

Список источников

1. Migration theory: talking across disciplines / eds. by C. V. Brettell, J. F. Hollifield. New York: Routledge, 2000. 239 p.
2. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. 370 с.
3. Молодикова И. Западные подходы к исследованию миграции – возможности сравнений с российской исследовательской школой // Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. С. 9–30.
4. Абашин С. Н. Возвращение домой и циркулярная мобильность: как кризисы меняют антропологический взгляд на миграцию // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 5–15.
5. Бредникова О. Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими? // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 32–47.
6. Кондаков А. А. Возможности взаимодействия между акторами в миграционной политике России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 4. С. 174–186.
7. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006. 260 с.
8. Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4. С. 262–280.
9. Davé B. Keeping labour mobility informal: the lack of legality of Central Asian migrants in Kazakhstan // Central Asian Survey. 2014. Vol. 33, iss. 3. P. 346–359.

10. Tetrushvily E. How did we become illegal? Impacts of Post-Soviet shifting migration politics on Labor Migration Law in Russia // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2012. Vol. 1, no. 1. P. 53–73.
11. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.
12. The anthropology of the state: a reader / ed. by A. Sharma, A. Gupta. Malden: Blackwell Publishing, 2007. 410 p.
13. Mitchell T. The limits of the state: beyond statist approaches and their critics // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85, no. 1. P. 77–96.
14. Rose J. States of fantasy. Oxford: Clarendon Press, 1998. 200 p.
15. Abrams P. Notes on the difficulty of studying the state (1977) // *Journal of Historical Sociology*. 1988. Vol. 1, no. 1. P. 58–89.
16. Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state // *American Ethnologist*. 1995. Vol. 22, no. 2. P. 375–402.
17. Scott J. C. Weapons of the weak: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1987. 392 p.
18. Eliasoph N. «Close to home»: the work of avoiding politics // *Theory and Society*. 1997. Vol. 26, no. 5. P. 605–647.
19. Auyero J. Patients of the state: an ethnographic account of poor people's waiting // *Latin American Research Review*. 2011. Vol. 46, no. 1. P. 5–29.
20. Хомра А. У. Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. Киев: Наукова думка, 1979. 144 с.
21. Григорьев М., Осинников А. Нелегальные мигранты в Москве. М.: Европа, 2009. 160 с.
22. Понкратова Л. А., Красинец Е. С., Царевская Е. А. Мигранты в контактной зоне России и Китая: направления деятельности и факторы нелегальной занятости // *Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества (материалы конференции)* / под ред. Л. А. Понкратовой, А. А. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2014. Т. 2. С. 122–134.
23. Гулина О. Р. Семантика миграционных терминов // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14, № 3. С. 331–346.
24. Agamben G. Homo Sacer: sovereign power and bare life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 202 p.
25. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
26. Концепция экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства для трудящихся мигрантов – различных категорий граждан стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья». 2013. РУДНю URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/88/b8/88b84086-ae9f-49f2-8ffb-544f66267f68/concept.pdf.

References

1. Brettell C. B., Hollifield J. F. (eds.). *Migration theory: talking across disciplines*. New York: Routledge, 2000. 239 p.
2. Zajonchkovskaia Zh., Molodikova I., Mukomel' V. (eds.). *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: mezhdistsiplinarnoe uchebnoe posobie* [Methodology and methods of studying migration processes. interdisciplinary textbook]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy Publ., 2007. 370 p. (In Russ.).
3. Molodikova I. Zapadnye podkhody k issledovaniyu migratsii – vozmozhnosti sravnenii s rossiiskoi issledovatel'skoi shkoloj [Western approaches to the study of migration – possibilities of comparisons with the Russian Research School]. In: Zajonchkovskaia Zh., Molodikova I., Mukomel' V. (eds.). *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: mezhdistsiplinarnoe uchebnoe posobie* [Methodology and methods of studying migration processes. interdisciplinary textbook]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniy Publ., 2007, pp. 9–30 (In Russ.).
4. Abashin S. N. Vozvrashchenie domoi i tsirkulyarnaya mobil'nost': kak krizisy menyayut antropologicheskii vzglyad na migratsiyu [Return home and circular mobility: how crises change anthropological views of migration]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 5–15. (In Russ.).
5. Brednikova O. E. (Ne)vozvrashchenie: mogut li migranty stat' byvshimi? [(Non)return: can migrants become ex-migrants?]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, p. 32–47. (In Russ.).
6. Kondakov A. A. *Vozmozhnosti vzaimodeistviya mezhdru aktorami v migratsionnoi politike Rossii* [Possibilities of interaction between migration policy actors in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2015, vol. 18, no. 4, pp. 174–186. (In Russ.).
7. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. *Politika invalidnosti: sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoi Rossii* [The politics of disability: social citizenship of persons with disabilities in modern Russia]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., 2006. 260 p. (In Russ.).
8. Rivz M. Po tu storonu ekonomicheskogo determinizma: mikrodinamika migratsii iz sel'skogo Kyrgyzstana [On the other side of economic determinism: the micro-dynamics of migration from rural Kyrgyzstan]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2009, no. 4, pp. 262–280. (In Russ.).
9. Davé B. Keeping labour mobility informal: the lack of legality of Central Asian migrants in Kazakhstan. *Central Asian Survey*, 2014, vol. 33, iss. 3, pp. 346–359.
10. Tetrushvily E. How did we become illegal? Impacts of Post-Soviet shifting migration politics on Labor Migration Law in Russia. *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 53–73.
11. Fuko M. Poryadok diskursa [The order of discourse]. In: Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth:

Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works from Various Years]. Moscow: Kastal' Publ., 1996, pp. 47–96. (In Russ.).

12. Sharma A., Gupta A. (eds.). The anthropology of the state: a reader. Malden: Blackwell Publishing, 2007. 410 p.

13. Mitchell T. The limits of the state: beyond statist approaches and their critics. *American Political Science Review*, 1991, vol. 85, no. 1, pp. 77–96.

14. Rose J. States of fantasy. Oxford: Clarendon Press, 1998. 200 p.

15. Abrams P. Notes on the difficulty of studying the state (1977). *Journal of Historical Sociology*, 1988, vol. 1, no. 1, pp. 58–89.

16. Gupta A. Blurred boundaries: the discourse of corruption, the culture of politics, and the imagined state. *American Ethnologist*, 1995, vol. 22, no. 2, pp. 375–402.

17. Scott J. C. Weapons of the weak: everyday forms of peasant resistance. New Haven: Yale University Press, 1987. 392 p.

18. Eliasoph N. «Close to home»: the work of avoiding politics. *Theory and Society*, 1997, vol. 26, no. 5, pp. 605–647.

19. Auyero J. Patients of the state: an ethnographic account of poor people's waiting. *Latin American Research Review*, 2011, vol. 46, no. 1, pp. 5–29.

20. Homra A. U. Migratsiya naseleniya: voprosy teorii, metodiki issledovaniya. [Population migration: theory and research methodology]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1979. 144 p. (In Russ.).

21. Grigoryev M., Osinnikov A. Nelegal'nye migranty v Moskve [Illegal migrants in Moscow]. Moscow: Evropa Publ., 2009. 160 p. (In Russ.).

22. Ponkratova L. A. Krasinec E. S., Carevskaya E. A. Migranty v kontaktnoi zone Rossii i Kitaya: napravleniya deyatelnosti i faktory nelegal'noi zanyatosti [Migrants in the contact zone of Russia and China: areas of activity and factors of illegal employment]. In: Ponkratova L. A., Zabiako A. A. (eds.). *Rossiya i Kitai: novyi vektor razvitiya sotsial'no-ekonomicheskogo sotrudnichestva (materialy konferentsii)* [Russia and China: a new vector of socio-economic cooperation development (conference materials)]. Blagoveshchensk: Amur state university Publ., 2014, vol. 2, pp. 122–134. (In Russ.).

23. Gulina O. R. Semantika migratsionnykh terminov [Exploring the semantics of migration terminology]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*, 2016, vol. 14, no. 3, pp. 331–346. (In Russ.).

24. Agamben G. Homo Sacer: sovereign power and bare life. Stanford: Stanford University Press, 1998. 202 p.

25. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my [To discipline and punish. The birth of prison]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1999. 480 p. (In Russ.).

26. The concept of the exam in the Russian language, the history of Russia and the basics of legislation for migrant workers – various categories of citizens of the CIS, Baltic States and far abroad", 2013. RUDN. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/88/b8/88b84086-ae9f-49f2-8ffb-544f66267f68/concept.pdf (In Russ.).

Информация об авторах

Т.Н. Журавская – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Приморской лаборатории экономического развития и сотрудничества, Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Н.П. Рыжова – доктор экономических наук, заведующей Приморской лаборатории экономического развития и сотрудничества, Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Information about the authors

T.N. Zhuravskaia – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation.

N.P. Ryzhova – Doctor of Economics, Laboratory Head, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.04.2023; одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 11.05.2023.

The article was submitted 11.04.2023; approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 11.05.2023.